

Элеонора Гильм
Искупление

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

В оформлении обложки использована фотография:
© Ivan Maligon / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гильм, Элеонора.
Г47 Искупление / Элеонора Гильм. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-114128-8

Аксинья Ветер, жена кузнеца, в свои двадцать четыре года пережила немало тягот, оставшись вдовой при живом муже. Она и ее близкие выживают в суровом мире, где голод и лишения забирают свои жертвы, где все смешалось — злые и добрые дела, счастье и горе. В жизнь Аксиньи вновь врывается любовь, запретная и осуждаемая всеми. К чему приведет она и сможет ли Аксинья искупить свой грех?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114128-8

© Гильм Э., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Пролог

— Мужики принесли его. — Подруга погладила плечо Аксиньи, глянула на нее тревожно.

Аксинья кивнула. Не нужны ей были объяснения, и так ясно, кого несли сейчас к избе мужики. На широкой сосновой доске узкий сверток замотан в полотно белого льна — Марфа дала, не пожалела доброй ткани.

Аксинья вышла на порог и схватилась за перильце, ноги ее подгибались, горло пересохло, а перед глазами сгущалась тьма. Как посмотреть на него, как пережить, как прощения молить за содеянное...

Снявши шапки, мужики осторожно положили на стол доску с полотняным свертком. Перекрестились перед покойником, поклонились иконам. Георгий Заяц бросил сочувственный взгляд на Аксинью, но побоялся вымолвить хоть слово — так страшен был ее вид.

— Георгий, ты скажи, как он... — Она теряла слова, не понимала, как завершить страшный свой вопрос.

— Он лежал подле коровы. Рядом рога... коровьи кости, обгоревшие.

— Мучился? — зачем-то спросила она и спохватилась. Ведь и сама знала о том, как страшна смерть сгоревшего заживо человека. Одна надежда — упавшие стропила могли быстро оборвать мучения. Да кто ж теперь узнает...

Аксинья и подруга ее, Прасковья, застыли над покойником. Последнюю ночь проведет он в доме невесты своей, а потом отправится на место вечно-го успокоения, под бок к отцу.

Аксинья трясущейся рукой откинула белое полотно. Попрощаться с ненаглядным родичем, посмотреть последний раз на милое лицо... Саван выскользнул из ее рук, и она медленно осела на пол. Прасковья подхватила ее, потащила к лавке, протянула ковш с водой. Закопченное, темное, высохшее, оскалившееся в непристойной ухмылке лицо не похоже на родной лик, как бес не похож на ангела. Жестокий огонь исказил цветущее жизнью лицо, высушил тело, и даже привычная ко всему Аксинья не могла избавиться теперь от этого образа...

ГЛАВА I

СЕМЬЯ

1. Раздоры

Рано сгустившаяся тьма таилась за окном, шепталась с бесами, напевала колдовские заклинания. Избу освещали две лучины, вставленные в кованный поставец. Тихо поскрипывала в задней части избы люлька. Сплетенная из липовой коры, украшенная солнцем и звездами, она, по всей видимости, использовалась не первый раз. Под нарядным белым покрывалом спал младенец. Люльку качала пожилая женщина, и в полудреме не оставлявшая своего занятия. Темные волосы ее обильно украсила седина, лицо хранило следы давней красоты и больших печалей.

Под люлькой растянулся черный кот, нахально растопырив лапы. Сидящий рядом мальчуган крутил тряпичную куклу, пытаясь оторвать голову в нарядном красном платке.

— Васька, отдай куклу. Не для тебя делана, — подняла голову от шитья молодуха. Не старше двадцати лет, ладно скроенная, с пучком темно-русых волос и тихим голосом, всем была бы она хороша, кабы не темное пятно, обезобразившее милое лицо. И ласковый взгляд болотно-зеленых глаз, брошенных на сына, и чуть вздернутый нос

терялись под наказанием Божьим, портившим природную красоту.

— Пусть побалуется, Софья, мал совсем. Я новую тряпичницу смастерю, — сказала темноволосая женщина, лицо которой пряталось в тени. Она рассыпала на дощатом столе засохшие стебли и листья трав и перетирала их в труху.

— Мой сын, мне знать лучше, что ему делать дозволено, а что нет. — Софья возразила все тем же тихим голосом, но сын ее вскинул испуганный взгляд.

— Исяаа... ись.

— Есть хочешь, Васенька. — Темноволосая женщина ссыпала последнюю горстку травы в мешок и встала из-за стола. — Сейчас каши поедим.

Легким движением она вытащила из печки небольшой чугунок и стала соскребать остатки со стенок. Теперь стало видно, что она молода, немногим старше Софьи. На узком лице горели темные глаза, чуть вытянутые к уголкам. Они выдавали инородческую кровь, текущую в ней. Темные волосы чуть пушились на висках, выбившись из косы. Ладная фигура, небольшие руки выделяли ее среди крестьянок, обычно пышных и ширококостных.

— Аксинья, отдай моего сына. — Софья выдержала у темноволосой молодухи ложку, принялась кормить сына сама, ударив его деревянной ложкой по губе. Васька разнюнился.

— Сусанка твоя как на дрожжах растет на молоке. Чужих детенышей молоком кормишь... А мой Васька пусть кашей давится! — Софья звенела раздражением и даже имя Аксиньиной дочки не выговорила, а выплонула в лицо.

Кто ж виноват, что крестили младенца в день поминовения Сусанны Солинской¹. Редкое оно, чудно звучит. Во всей округе не сыскать женки с таким именем. Аксинья звала дочку Нютой — в честь матери, но полное имя не забывала.

— Васька старше, уж отнят от груди, ему и каша сгодится. — Аксинья оттеснила невестку, ласково зашептала что-то крикуну. Она улыбнулась своим мыслям и засунула ложку с кашей в Васькин разверстый рот. Мальчонка охотно проглотил рассыпчатое варево.

— Что вы ругаетесь, девоньки? — Пожилая женщина вырвалась из объятий сна. — И меня разбудили.

— А как не ругаться, матушка? Голод измором нас возьмет. Или не видите, что творится?

— Софьюшка, молодая ты еще, резкая. Даст Бог, сами выживем, и дети голодными не останутся.

— Мне завтра маслица с молоком должна принести Дарья... сыпь с лица ее сошла, — проговорила Аксинья. — Сказала, расплатится.

— Ты обещаешь, обещаешь, а толку... Не могу я тут. — Софья сорвала с крючка платок и тулуп, выскочила на улицу.

Аксинья и Анна переглянулись. Сытый Васька крутился волчком, ничуть не расстроенный выходами матери.

— Да, доченька, неладное что-то творится с Софьей.

¹ Сусанна Салернская (Аксинья искажает имя) — святая преподобномученица.

— Она как сухое сено, любая искра — вспыхивает. Изменилась.

— Все мы стали другими, — вздохнула Анна и затагнула протяжно:

Бай-бай, бай-бай!
Спи-ко, Ньюта, в зыбке старой
На периночке пуховой.
Бай-бай, люли, бай,
На периночке пуховой —
Много перья петухова...

— Спит Нютка?

— Спит. Посапывает тихонечко. Чудо-дитя, радость моя на старости лет. Ей да Васькой живу, о них молюсь и забочусь, — бормотала Анна себе под нос.

Аксинья подошла к люльке, отодвинула белое покрывало и нежно поправила одеяло. Несколько мгновений она не отрывала взгляд от крошечного носа и румяных щек.

— По сию пору поверить не могу. У меня — дочь... После стольких лет... Проснусь ночью — и вздрагиваю. Привиделось — иль правда.

— Такое счастье не привидится, — устало улыбнулась Анна.

— А ты кто? Что ж такое делается? — Их приглушенный разговор был прерван истошным криком Софьи.

— Да что приключилось опять? Матушка, сиди. Я посмотрю.

Васька оживленно крутил темной кудрявой головенкой. Отбросив в сторону тряпичную куклу,

он, чуть пошатываясь на крепких ножках, пошел к двери вслед за Аксиньей.

— И тебе, внучок, любопытно. Сейчас, все узнаем, — отвечала Анна тем напевным голосом, каким обращаются женщины к детям.

Аксинья в легком летнике вышла на крыльцо. Возмущенная Софья уставилась на ребенка, закутанного в тряпье. Сверкали испугом его темные глаза, все остальное спрятано было под тряпками.

— Ты смотри! Стоит и ответить не может. Немой, что ль? Что молчишь, будто в рот водицы набрал? — Софья опять перешла на крик.

— Когда-то Мышкой я тебя звала... Ошибалась, ты будто собака... Лаешь, лаешь...

— Что?

— Пошли в дом. И ребенка веди. Отогреется, может, скажет словечко. — Аксинья погладила плечико ребенка и отворила дверь.

Нежданный гость шмыгнул в избу и прижался к теплому боку печки, будто к матери родной. Сгорбившись, он сел на пол, обнял колени, бесприютным зверенышем смотрел на женщин.

— Аки! — радостно завопил Васька, следом из колыбели донесся писк. Возня и шум разбудили младенца.

— Ах ты, Нютка-прибаутка. Голодная? Сейчас-сейчас.

Анна вытащила девчущку из люльки и подала Аксинье. Скинув летник и расшнуровав рубаху, та вытащила полную грудь с синими прожилками и подвинула темноволосую головку дочки к набухшему соску. Софья с осуждением взглянула на золов-

ку, хотела что-то сказать, но ласковый голос Аксины, обращенный к найденышу, перебил гневливые ее слова:

— Ты не бойся, не обидим тебя. Чей ты, что на крыльце нашем делал? — Ребенок не отвечал. С открытым ртом он смотрел на Аксиныю, ее белую грудь и умиротворенное лицо.

— Ишь как смотрит. Тоже, поди, присосаться хочет. — Софье не давал покоя ребенок.

Найденыш скинул с головы дырявую тряпицу, что заменяла платок. Мальчик лет десяти, тощий до изнеможения, с тонкой шеей, он казался забитым и голодным. На голове колтун темных волос, не знавших гребешка. Под черными глазами наливались синяки. Темные ресницы, искусанные губы, грязная шея.

— Кто ты, мальчуган? — Аксиныя улыбнулась дочке, засунула сосок в маленькие розовые уста. Нюта выплюнула его. — Наелась, зайныка? Пора баиньки.

— Г-г-гр-ря... — Мальчик не отрывал взор от ворковавшей Аксины. — Грязнóй я.

— Грязной? Прозвище твое. А имя?

— Грязной. Грязной. Грязной, — твердил мальчонка, и страх копился в его взгляде, сотрясал тело мелкой дрожью.

— Ничего он нам не скажет. Устал, продрог, измучился. Софья, принеси подушку на лавку, да тряпки накрыться. — Невестка подчинилась Анне, но всем видом показывала, что не рада привечать отребье в доме.

Скоро погасили лучину, и все обитатели избы погрузились в счастливый мир сна. Незванный гость

ворочался на лавке, иногда всхлипывал, и губы его шевелились.

Утреннее солнце еще не поцеловало запечатанные льдом окна, когда бабы начали обычные хлопоты по хозяйству: затопить печь, наварить похлебки отощавшей скотине, почистить двор, замесить тесто... Каждая занималась своим делом. Найденыш крутился под ногами, пытался помочь, хватал бадью с водой, Софья на него шикнула, Аксинья в утренней суете не обращала внимания, он, не найдя ничего лучше, подсел к Ваське и принялся мастерить ему что-то из березового полешка.

— Ты бери лопату да помогай мне двор чистить. А к сынку моему не лезь. Вшей, поди, полная башка. — Софья заметила безделье мальчишки, и тот молча принялся натягивать свое тряпье.

— Как ты в рванине такой ходишь? — Анна покачала головой. Худосочные колени, локти торчали сквозь обильные прорехи Грязного. — Софья, дай какую Федину одежду. Велика будет — не страшно. Посмотри-ка на дне, его детские вещи я схоронила.

— Мужнину одежду этакому оборванцу давать, — пробурчала та, но пошла в клеть и загромыхала крышкой сундука. Вышла с ворохом в руках, кинула вещи мальчику, и тот быстро облачился в новое. Будто справнее и светлее стал в новых портах, белой рубахе с заплатками и потрепанном, но прочном зипуне.

— Чей ты будешь? Кто родители твои? — Весь день Аксинья и Анна пытались пробиться сквозь молчание, сковавшее язык мальцу, но узнать более ничего не смогли. Он хранил свои секреты. Или попросту был слабоумен.

Бабы оставили его в покое. Не хочет рассказывать правду, так кто ж заставит его?

— Малец работает на совесть, — одобрила Анна склонившегося над миской Грязного. — Весь двор расчистил, до досок доскреб. Ешь, парень. На здоровье.

Скудный обед поделен был поровну, каша, заправленная каплей масла, исчезла в тарелке мальчугана за мгновение.

— Оголодал, бедолага, — светло улыбнулась Аксинья.

Софья молчала и супила брови. Ее прорвало, хранить молчание она разучилась за прошедший год:

— Нам свою детвору прокормить бы. Знаю, что привечать сырых и убогих — христианский долг наш. Но не в такой час... бедствий.

— Выгнать нам его на мороз? Да? — Анна, всплыв, резко встала из-за стола, но охнула, схватилась за спину.

— А насчет головешки его права невестка. — Аксинья подошла к Грязному и поддела всклокоченную прядь. — Стричь волосы будем.

— Неряха окаянный. Сами стригите найденыша своего разлюбезного. — Софья подхватила на руку Ваську и ушла в бабий угол: расхлебывайте, мол, сами.

— Мне не привыкать. У Фимки на голове гнездо целое было. Будто вчера стригла патлы его. Где-то бродит он? — вздохнула Аксинья.

Рыжий Фимка, сын бедняка Макара и Феклы, когда-то был наперсником Аксиньи, работал на скотном дворе и в огороде, превратился в кого-то

вроде младшего брата, помогал во всех делах, смешил и поддерживал...

— Помер твой Фимка давно, — и тут не умолкала Софья. — Будто не знаешь, что творится в Москве. Съели его литовцы да кости обсосали.

— Типун тебе на язык, невестка. Сладу нет с тобой. Злобой вся изошла.

— Злобой? Легко думаете... так... Годов мало, а жизнь будто закончилась. Оксюшка сама путь выбрала потаскуший. А я... я почто страдать должна?

Женщины молчали.

Лязгали старые ржавые ножницы в руках Аксиньи, испуганно сопел мальчишка, темные лохмы падали на бревенчатый пол избы. Обстриженные волосы неровно торчали, закручивались, курчавились на висках.

— Как у мужа моего, покойничка, — пробормотала Анна.

— В печь все кидай, парень, чтоб и следа не осталось. — Аксинья поддела носком домашнего чобота волосы с белеющими гнидами. — Все от Бога.

— Не нужен нам вшивый оборванец, правда, Васенька? — не умолкала Софья.

— Невестушка, в церковь сходи, помолись. Нет покоя тебе — и нам не даешь. Угомонись. — Анна говорила размеренно, но слова ее веским камнем упали в тишину.

— Не мне грехи отмаливать надобно.

— Хочешь, чтобы повинилась я перед тобой? Винилась, и не раз. Как прощение твое заслужить? — Аксинья ополоснула руки под умывальником.

Теперь молчала Софья. Пятно, обезобразившее лицо ее, стало еще темнее, глаза наполнились сле-